

ЗЕМЛЯКИ

КОНСТАНТИН ТАРАЕВ

РАССКАЗЫ

Здравствуйте, уважаемая редакция.

Я коренной бакинец, родился и вырос в Баку, прожил в нем до 30-ти лет.

Сейчас живу в России, в Нижнем Новгороде, но все так же люблю свой родной город и слежу за происходящими в нем событиями. На досуге пишу рассказы. По своим детским и юношеским воспоминаниям написал цикл рассказов, условно назвав его «Бакинские рассказы». Некоторые из них хочу предложить вашему вниманию.

Возможно кого-то они заинтересуют.

Во всяком случае, очень на это рассчитываю.

*С наилучшими пожеланиями,
Константин Алексеевич Тараев*

Амфитрион¹

Мы постепенно, но неуклонно разучиваемся общаться друг с другом. Одиночество поглощает нас. Нашим лучшим другом, наперсником наших тайн стал айфон. К нему мы постоянно тянемся, залипая на лентах новостей или в социальных сетях. Кто из нас не видел такой сцены: идет по улице девчужка с айфоном, с головой утонувшая в виртуальном мире, ничего кругом не замечающая: ни прохожих, на которых она постоянно натывается, ни проезжающих машин. Реального мира для нее в эти минуты просто не существует, она вся там – в цифровом Зазеркалье.

Или пары, приходящие в кафе и вместо общения самозабвенно тыкающие пальцами в свои гаджеты? Ведь знакомая картина?

Во времена моей юности и стационарные-то телефоны были не в каждом доме, зато люди умели и, главное, любили общаться: шумели, пили, ели, пели, спорили, обнимались, смотрели друг другу в глаза. И весело радовались своим гостям. Помню, моя бабушка часто декламировала что-то из безнадежно дореволюционного далека: «К гостю бросился хозяин: – Петр Семеныч! Вот не ждал!... Я иду встречать скотину, а господь мне вас послал!»

Но более хлебосольного хозяина, чем моя двоюродная бабушка Нюра, я просто никогда не знал и уже, наверное, не узнаю.

В ней все было чрезмерно: доброта, гостеприимство, голос – громкий, сочный, наполненный оттенками, – которым она так любила выводить протяжные казачьи песни («Поехал казак на чужбину далеко», – и ты сразу представлял эту одинокую печальную фигуру на вороном коне), а главное – ее габариты. Это была женщина необъятных размеров, с большой грудью, над которой расплывалось добродушное, улыбочивое лицо, животом-барабаном и богатырскими, краснопалыми, натруженными руками, но при этом неожиданно подвижная и пластичная.

У бабы Нюры в жизни были две безудержные страсти. Первой был ее нежно любимый муж – Исмаил.

¹С легкой руки г-на Мольера слово «амфитрион» стало синонимом радушного, хлебосольного хозяина.

В 20-х годах прошлого века, две молодые донские казачки – моя родная бабушка Наталья (мать моей мамы) и ее двоюродная сестра Нюра – потеряв в гражданскую почти всю свою родню, пережив голод, военный коммунизм, набегі частей особого назначения, рассказывание, эпидемии испанки и тифа, подались за лучшей долей далеко на юг, прослышав, что Баку – город хлебный, народ там приветливый и с голоду не помрешь. И так и осели там на всю оставшуюся жизнь, счастливо выйдя замуж за азербайджанцев.

И если мои родные дед и бабушка были скупы в выражении чувств, а бабушка еще и скоро на расправу, так что я частенько ходил с поротой задницей, то баба Нюра и ее дражайший Исмаил своих чувств не стеснялись.

Происходило это примерно так: открывалась калитка сада и издали слышалось: «Нюришка, ай, Нюришка! Твой Исмаильчик идет!» Тут же грузное лицо бабы Нюры освещалось счастливой улыбкой, она торопливо и немного кокетливо оглядывала себя в зеркале шкафа и спешила навстречу обожаемому супругу. Далее следовали жаркие объятия, настолько продолжительные, что казалось, будто дед не 8 часов на работе отсутствовал, а, как минимум, вернулся из кругосветки.

И второй ее страстью были семейные застолья. Собиралась вся родня – близкая и не очень, все эти бесчисленные сватья, золовки, снохи, девери, обязательно с полными выводками детей, даже грудных.

Уклониться и манкировать этими встречами, не обидев смертельно бабу Нюру, было нельзя.

Для нас, детей, все начиналось с процедуры приветствия, где мы тонули в жарких, медвежьих объятиях и смачных поцелуях бабы Нюры и пытались поскорее отбыть повинность, чтобы заняться более важными делами: отловом бабочек, пестованием пушистой пары домашних кроликов или выкапыванием дождевых червей, которые в изобилии водились в куче компоста на заднем дворе.

Львиная доля нежности доставалось первому пришедшему из детей, его буквально засасывало торнадо бабушкиного обожания, он вываливался из ее знойных объятий сильно помятый и зацелованный почти до потери дыхания. Поэтому я умолял родителей прийти на торжество попозже, чтобы не попасть под этот «дружественный огонь».

Ну, а далее начиналось то, ради чего все затевалось, – пиршество, достойное пера Рабле.

Во двор, если позволяла погода, а зачастую так оно и бывало, выносились столы, застилались огромной скатертью, сшитой бабой Нюрой для таких случаев, на табуреты ставились доски (иначе всем не рассестись), выносились из погреба бесчисленные соленья: огурцы, капуста, баклажаны, маринованные помидоры, грибы, чеснок, соленые арбузы, селедка, присыпанная лучком, трехлитровые банки с компотами и домашним вином, графинчики с самогонном, настоянном на травах или ягодах (казенную водку она презирала, именуя ее керосином), огромная трехведерная кастрюля с борщом, дымящаяся вареная картошка, вареники с творогом и вишней, сочные куски жареного мяса, и начиналось застолье, сытное до полнейшей беспощадности.

Желудок у бабы Нюры был такой же необъятный, как и ее русская душа. Она обожала вкусно поесть и зорко следила за тем, чтобы гостей не обносили блюдом. Закосить, сделать вид, что ешь, было нереально: за всем следило недремлющее око модератора встречи – бабы Нюры.

За столом начинались подробные расспросы о житье-бытье, ее интересовало абсолютно все, в мельчайших подробностях: здоровье, планы на будущее, успехи или неурядицы на работе, состояние финансов, международное положение в странах Африки и Полинезии, немощи членов Политбюро, новости с космической орбиты и так далее, и так далее.

Все выслушивалось с непритворным вниманием, всплеском рук, восклицаниями: «Батюшки! Ну надо же! Кто бы мог подумать!», сочувственным взглядом, а иногда и тихими слезами.

Неудивительно, что застолье затягивалось до позднего вечера, пока гости не отваливались от стола с воплями: «Все! Вкусно, но больше не могу – объелся!» – заслужив благосклонную улыбку бабы Нюры.

А потом посуда убиралась со стола, и выносился бабушкин любимец – самовар: важный, пузатый, начищенный до блеска, на кривых узорчатых ножках, с медалями на помятом боку и непонятной мне надписью: «Наследник ВасилІя Степановича Баташева.Тула.» По семейному преданию, это было единственное приданое, которое две сестры привезли с Дону, чудом припрятав его от загребущих рук китайских воинов-интернационалистов из многочисленных ЧОН-ов, «осчастлививших» своим пребыванием их родную станицу.

Над столом зажигали лампочку и «зашлифовывали» чаем съеденное и выпитое. Никаких пирогов или пампушек к чаю не полагалось, только сахар, собственноручно наколотый дедом из больших, похожих на крупную гальку кусков. Так, под чай с дымком, вечер и подходил к концу, и гости, расцелованные напоследок бабой Нюрой, расходились до домов.

Не знаю, почему вдруг я это вспомнил. Наверное, потому что мы живем в мире, где катастрофически не хватает тепла и так хочется иногда посидеть за большим столом, в компании родных тебе людей, необязательно по крови, можно и просто по духу, касаться друг друга локтями и говорить, говорить, говорить.

Бабушка

Что меня не перестает неприятно поражать за более чем четверть века моей жизни в России, так это равнодушное, а подчас и пренебрежительное отношение молодых к людям преклонного возраста. Сидит в вагоне метро ядреная, поперек себя шире румяная девица с наушниками в ушах, а над ней нависает, вцепившись в поручни, ветхая старуха, которую она в упор не замечает, притворившись спящей или погруженной в переписку по Twitter. А то и вовсе внаглую смотрит на то, как бабушку мотает из стороны в сторону, и даже не пытается уступить ей место. Не могу сказать, что это явление массовое, но, к сожалению, отнюдь не единичное. По-моему, уважительное отношение к старикам – это самый отчетливый индикатор здоровья и жизнеспособности нации. Иначе есть опасность превратиться в Ивана, родства не помнящего, без корней, привязанностей, традиций и уважения к себе и людям. В дни моей юности достаточно было окрика старика, чтобы прекратить жестокую драку городской шпаны, а уж об общественном транспорте и говорить не приходится – как только в автобус входил пожилой человек, сразу несколько молодых ребят подсакивали, как ошпаренные, наперебой уступая ему место.

Самым близким человеком для меня в период моего детства была папина мать – баба Женя, посвятившая всю себя, без остатка, моему воспитанию. И всем хорошим чертам своего характера я, прежде всего, обязан ей. Нет, конечно же, я любил своих родителей, но, безусловно, главным человеком для меня тогда была бабушка, неизменно снисходительная к моим капризам и детским проказам, внимательно выслушивавшая мои наивные и, наверное, не очень ей интересные детские фантазии, охотно читавшая мне детские книги, учившая со мной уроки и безропотно, раз эдак в пятый ряд, смотревшая со мной в кинотеатре надоевшие ей до чертиков «Приключения Неуловимых» или «Чингачгука». Только став взрослым и имея уже собственного сына, я начал понимать, каких колоссальных усилий требует общение с ребенком, чтобы не ущемить его самолюбие, не оттолкнуть его от себя грубой фразой или жестом, не дать ему почувствовать себя одиноким или непонятым. Не могу

сказать, к великому сожалению, что у меня это получилось так же хорошо, как у бабушки Жени.

Урожденная Долгова, представительница древнего рода, получившего дворянство еще во времена царя Алексея Михайловича, она родилась задолго до революции и попала в Баку случайно. Родной брат ее Николай был мобилизован в 11 Красную Армию и, войдя вместе с ней в Баку, был, как и многие до и после него, очарован этой жемчужиной Востока, ее эклектичной архитектурой, мягким климатом, изобилием, добротой жителей, ласковым, пусть и не очень чистым в городских окрестностях морем. И, не теряя времени даром, перевез в Баку свою мать и младшую сестру – мою бабушку, что спасло их от голодной смерти в Бузулукском уезде.

К моменту моего рождения бабушка жила в Баку почти полвека и была пламенным патриотом города, причем настолько, что не переносила никакой, даже очень тактичной критики в адрес обожаемого ею города. Баку для нее был главным городом на планете, и высшей похвалой в ее устах было выражение «как в Баку». Ну, например, смотрим мы по телевизору фильм об Италии, и я спрашиваю: «Бабуля, а ты в Италии была?» «Да, совсем маленькой девочкой, папа возил в 1912 году». «И какой город больше всего понравился?» «Неаполь». «А почему?» «Там тепло, морем пахнет и бухта красивая, как в Баку!».

Всегда удивлялся загадочной, мягкой силе нашего города, который принимал в свои объятия, очаровывал и быстро делал своими тех, кого считал этого достойным. И жены моих друзей и соседей, приехавшие в Баку откуда-то из Рыбинска, Курска или даже Комсомольска-на-Амуре и прожившие в Баку всего лишь пару-тройку лет, перенимали манеры, стиль одежды и даже акцент коренных бакинцев. Куда-то бесследно исчезало украинское гаканье или поволжское оканье, речь становилась неторопливой, с протяжными гласными и специфически бакинской фразеологией.

Вот и бабушкина речь была украшена, как торт вишенкой, такими словечками, как: «авара», «бас-а-бас», «жировка», «мямяри-чай» и т.д., а будучи в хорошем настроении она очень любила напевать отрывки арий из «Аршин мал алана».

Родился я в ее небольшой квартире в центре Баку, в старом доме еще дореволюционной постройки, и после того, как родители, получив квартиру, переехали в другой район, остался жить с бабушкой. К тому времени я был уже учеником 3-го класса расположенной неподалеку школы и ужасно не хотел расставаться ни с одноклассниками, ни со ставшей мне родной дворовой шайкой. Родителей я навещал по выходным и на каникулах, предпочитая проводить больше времени у бабушки, вдали от строгого отцовского взгляда.

Бабушка была очень уважаемым членом нашего беспокойного, шумного и суетного дворового сообщества. Во-первых, она была старожилом двора, дольше нее в нем жили только две уж совсем древние старушки, а во вторых – неутомимой правдоискательницей и, будучи человеком активным и образованным, постоянно представляла интересы обитателей нашего двора в каких-то инстанциях: ЖЭКе, Собесе, товарищеском суде, райкоме и т.д. Поэтому даже самые отвязные дворовые сплетницы и скандалистки старались не поминать ее имя всуе, тем более, что бабушка была остра на язык и в гневе могла просто уничтожить словесно самых безбашенных дворовых склочниц и матерщинниц.

Будучи непревзойденным, виртуозным мастером базарных торгов, бабушка обожала утренние посещения рынка. Сразу после открытия ворот Тэзэ-Базара, она, в компании таких же мастеров своего дела, приходила на рынок одной из первых и начинала прицениваться к фруктам или овощам. Происходило это всегда по одному или тому же сценарию: подойдя в качестве первой покупательницы к торговцу, она умильно спрашивала: «Дорогой, сколько стоит хурма?» И получив ответ: «Полтора рубля», не моргнув глазом, отвечала: «А за пятьдесят копеек кило отдашь?» Продавец, побагровев и поперхнувшись от такой наглости, гневно отвечал: «Ни за что!»

Далее следовала фраза: «Ну, как хочешь, все равно она у тебя, наверняка, вяжет», и бабушка не спеша отходила от прилавка. А надо заметить, что торговцы – люди суеверные, и уход без покупки первого за день клиента считался плохой приметой – день не задастся. Поэтому вслед уходящей бабушке звучало: «Ладно, бери за рубль 20 коп». И когда после 10 минут изматывающих торгов окончательно замороженный продавец все-таки продавал свой товар копейки по 80 за кило, он был уверен, что выгодно завершил первую за день сделку. Но через несколько минут, отойдя от утомившего его разговора и хорошенько подумав, понимал, что проторговался, продавая товар практически за полцены. Эта интермедия повторялась, с различными вариациями, несколько раз в неделю, и бабушка приобрела на рынке скандальную славу грозы торговцев, которые при ее приближении не то, чтобы убегали, а делали вид, что не торгуют или принимают товар.

Второе ее пристрастие, балет, было менее безобидным для меня. Дело в том, что бабушка вообразила себе, что ее единственный внук станет великим танцором и осияет своим божественным танцем подмостки Кировского или Большого театра или, чем черт не шутит, даже легендарной Гранд-Опера. С этой целью я, вполне себе упитанный и крупный мальчик, был отдан в секцию балета при Доме Офицеров. В ней, страшно переживая, что друзья узнают о моем недостойном правильного пацана занятии, я промучился около года, освоив из всей балетной премудрости прямую и обратную ковырялочку и изящный поклон и, взбунтовавшись, наотрез отказался туда ходить, тем самым навсегда похоронив мечту бабушки о моей балетной славе.

А еще она была заядлой картежницей и часто цитировала Талейрана, который говорил: «Кто не умеет играть в карты – тому уготована печальная старость». Каждую неделю, по вторникам, у нас собиралась компания пожилых дам, таких же, как и моя бабушка, осколков некогда богатых и славных дворянских фамилий, благополучно пересидевших в гостеприимном Баку (где не спешили писать доносы в НКВД на соседей только потому, что внешность и манеры выдают в них «бывших») сталинские чистки и доживших до старости. Этой был единственный день недели, когда я у бабушки отходил на второй план.

Задолго до назначенного часа начиналась подготовка к долгожданному «суаре», перебивались тарелки и чашки древнего фарфорового сервиза, доставшего ей от отца, начищались до блеска ножи и вилки, ставились в печку пироги и доставалась из заначки пачка чая «Три слона». Незадолго до прихода гостей раскладывался ветхий ломберный столик с потертым зеленым сукном, застилался скатертью большой обеденный, ставились столовые приборы, пироги (неприменно несколько: мясной, с грибами или с капустой и сладкий), тарелки украшались красиво сложенными горкой накрахмаленными салфетками, спускалась ниже к столу люстра в цветном абажуре, и одетая в свое лучшее платье бабушка устало присаживалась на стул в ожидании подруг.

Приходившие в гости дамы были весьма колоритными личностями. Особенно меня впечатляла Аида Львовна, почти 90-летняя дама, прекрасно сохранившаяся для своих лет, с безупречной осанкой и копной абсолютно седых волнистых волос, уложенных в элегантную прическу. Будучи совсем юной, она успела потрудиться сестрой милосердия в санитарном поезде Ея Императорского Величества императрицы Александры Федоровны и часто вспоминала бывшего императора Николая II не как Кровавого и Ходынского, как нам это внушали в школе, а как тихого, деликатного мужчину с безупречными манерами. Другие дамы были не так величественны, но не менее воспитаны и колоритны, непринужденно вставляя в русскую речь французские слова и фразы. И казалось, что ты не в маленькой советской квартирке, а в светском салоне какой-нибудь Анны Павловны Шерер, и на дворе не 20-й, а 19-й век. Играли они увлеченно, до позднего вечера, в вист или преферанс (естественно, на деньги), делая пару получасовых перерывов на чаепитие.

Сейчас я понимаю, что для бабушки эти вечера были отдушиной, эмоциональной подпиткой, и когда ее подруги постепенно, одна за другой, ушли в мир иной – она совсем загрустила, часами сидела у окна, с тоской восклицая: «Столько смотрю у окно и ни одного знакомого лица!»

Молодость всегда эгоистична и тогда я никак не воспринимал всего трагизма этого звенящего одиночества, но с каждым прожитым годом начинаю понимать его все больше.

Очень надеюсь, что на небесах у моей любимой старушки нет недостатка в общении, и она регулярно, раз в неделю или даже чаще (чего уж там!), расписывает пульку в компании своих верных подруг.

Генералиссимус

Историю эту мне рассказал мой друг Яшка, живший в одном дворе с героем этого рассказа, и сомневаться в ее правдивости у меня нет оснований. Тем более, что шапочно с участниками этих событий я был знаком, поскольку они жили через три дома от нас.

Работал в маленькой бакинской парикмахерской, прилепившейся к городской бане, некий мастер Бархударов, который за поразительное сходство с фотографиями Иосифа Виссарионовича военной поры был прозван «Генералиссимусом». Был он невысоким, чуть сутуловатым мужчиной преклонного возраста, с рябым лицом, пышными прокуренными усами, аккуратно уложенной седоватой шевелюрой и действительно смахивал на легендарного Генсека, сходством с которым явно гордился и нарочито подчеркивал его, одеваясь в брюки-галифе, заправленные в мягкие сапоги, и сшитые на заказ френчи полувоенного покроя.

В те времена преуспевающие парикмахеры в Баку жили совсем неплохо, получая чаевые, в несколько раз превышающие утвержденный государством прейскурант за стрижку. Особо успешные из них имели постоянную клиентуру, запись за две недели вперед, щеголяли фирменной одеждой и ездили на новеньких Жигулях, что было по тем временам большой роскошью.

Бархударов к их числу не принадлежал, поскольку за всю свою долгую карьеру парикмахера освоил только два вида стрижки: налысо и полубокс. Нет, он внимательно выслушает пожелания клиента: сколько волос оставить над ушами, какой длины должна быть челка, согласно покивает в ответ головой, но не успеет доверчивый бедолага и глазом моргнуть, как уже сидит, выстриженный почти под ноль по бокам и сзади и с небольшим венчиком волос на макушке. При этом Бархударов никогда не признавал своей вины и гневно отвергал обвинения очередной жертвы в своем непрофессионализме. Как правило, виноват был сам клиент, его неразборчивые комментарии или далекая от совершенства форма его головы, на худой конец, плохо работающая машинка для стрижки волос. Рассказывали даже прямо-таки душераздирающую историю о том, что Бархударов так обкорнал заскочившего на свою беду в его парикмахерскую жениха, что для свадебных фотографий тот спустя пару дней позировал, не снимая кепки-аэродрома. Но это, скорее, история из разряда уличного фольклора.

Поэтому, если к его коллегам зачастую выстраивалась очередь, Бархударов скучал, сидя в кресле, и обслуживал преимущественно стариков или новобранцев, то есть, тот люд, который не сильно заморачивался по поводу своей прически.

Но был у него один несомненный и великий талант: это была ходячая энциклопедия советского и мирового футбола. Он мог по памяти назвать составы не только закавказских футбольных команд, но и таких географически удаленных от нас футбольных дружин, как «Нистру» Кишинев или «Пахтакор» Ташкент, знал, сколько голов забили за свою карьеру Герд Мюллер или Пеле, на каких минутах игры сбор-

ная Чили поразила ворота Л.Яшина, и сколько желтых карточек показал судья на матче суперкубка «Динамо» Киев – «Бавария». Кроме того, он был в курсе всех околофутбольных событий: по какой причине повздорили Лобановский с Буряком, за что получил срок Стрельцов, сколько раз и на ком был женат Воронин и так далее.

У подобных ему фанатов спорта была даже своя тусовка в небольшом сквере у вокзала, где они встречались по выходным дням, горячо обсуждая результаты прошедших матчей, перспективы «Спартака» на чемпионство или, скажем, «Нефтчи» на призовое место в чемпионате СССР, смакуя какие-то пикантные подробности из жизни футбольных кумиров и рассказывая друг другу свежее испеченные анекдоты на спортивные темы.

Звездный час этой публики настал тогда, когда, уже на излете эры социализма, в СССР появилась лотерея «Спортпрогноз». Это было нечто очень похожее на Суперэкспрессы в нынешних букмекерских конторах, то есть нужно было угадать исходы 13 спортивных событий за неделю, не только футбольных или хоккейных, но и, скажем, баскетбольных, волейбольных или хоккея с мячом.

Денежные призы выплачивались, только если вы угадывали результаты не менее 11 из 13-ти событий, а суперприз – 10000 рублей и право внеочередного приобретения вожденного для многих автомобиля «Волга» – получал тот, кто угадал исход всех 13 событий. Стоил сам бланк, если я не ошибаюсь, 2 коп, а один вариант событий – 30 коп. Таких вариантов в одном билете можно было отметить несколько.

И понеслось: фанатская тусовка засуетилась, загудела, как растревоженный улей, встречи в сквере стали чуть ли не ежедневными, страсти зашкаливали. И проходя мимо, частенько можно было услышать такой разговор на повышенных тонах: «Ты вообще о чем?! Да если «Динамо» Киев завтра выиграет у «Глазго», я тебя в зад при всех поцелую!!!». Кстати, рассказывали случай, что как-то один из спорщиков проспорил-таки поцелуй в пятую точку своему оппоненту. Проиграв спор, он исчез из поля зрения на несколько недель, а когда, соскучившись по товарищам, вернулся, то предлагал большие по тем временам отступные: 100 руб., которые были гордо отвергнуты его более удачливым оппонентом. Так что пришлось ему под хохот толпы выполнять обещание.

Естественно, вся эта искушенная в спорте публика была на первых порах уверена, что неминуемо и быстро озолотится. Но не тут-то было, проходили недели и месяцы, а денег в их карманах не только не прибавлялись, а скорее наоборот. Нет, естественно, кто-то угадывал изредка 11 событий, но доходы отнюдь не компенсировали расходов, так как все они нырнули в азарт по самую макушку и тратили на билеты не только свободные, но и заемные средства.

И когда по нашему району, где-то в сентябре 1987 года, пополз слухок, что «Генералиссимус» угадал-таки все 13 исходов, это было подобно грому среди ясного неба. Сам виновник этой молвы слухов не подтверждал, билетом на улице не размахивал, но вдруг стал каким-то задумчивым, немногословным и явно чем-то сильно озабоченным. Как потом оказалось, он действительно выиграл, но не спешил с билетом в управление спортивных лотерей, справедливо рассудив, что сможет выручить за него большую, чем официальный выигрыш, сумму. Дело в том, что в те времена, не сильно пугаясь сурового взора советской власти, в Баку пышно расцвело частное предпринимательство, и в маленьких цехах из стыренного у госпредприятий сырья вовсю клепались бумажные и целлофановые пакеты, модные наплечные сумки с бахромой, джинсы, сувениры, дефицитные спорттовары, яркие рубашки, спортивные костюмы и многое другое, чем не шибко баловала советских граждан убогая легкая промышленность. Соответственно, в кубышках у цеховиков скапливались немалые капиталы, которые они старались хоть как-то легализовать. Недремлющее государево око в лице ОБХСС зорко следило за тем, чтобы никто шибко не высовывался, поэтому покупка статусного в те времена автомобиля ГАЗ-24 на неподтвер-

жденные платежной ведомостью доходы могла вызвать пристальный и нездоровый интерес надзирающих органов.

Ну, а поскольку максимальным выигрышем в Спортлото или Спортпрогноз были не только пресловутые 10 тысяч, но и право без очереди купить автомобиль, то за этими билетами гонялись предприимчивые дельцы и платили за них деньги, значительно превышающие номинал.

С одним из таких деятелей, отставным, но отнюдь не растерявшим криминальных навыков бандитом, а ныне подпольным владельцем нескольких мастерских и закусовых – Андреем – и договорился Бархударов.

Об Андрее следует сказать особо, поскольку это была весьма колоритная фигура: почти двухметровый верзила с яйцеобразным животом, нависающим над ковбойским ремнем с огромной пряжкой, с перебитым в многочисленных драках носом, манерами и интеллектом австралопитека.

Отсидев несколько раз в местах не столь отдаленных, он отошел от разбойных дел и, оттяпав у смертельно напуганных его жестокими наездами подпольных дельцов несколько забегаловок и мелких мастерских, управлял ими совместно со своей женой, крайне вульгарной особой, безвкусно разряженной в фирменные шмотки, с пугающим макияжем, похожим на боевую раскраску индейцев-шайенов, и всюду сопровождающим ее появление удушливым ароматом духов Шанель № 5, которым она поливалась сверх всякой меры, до такой степени, что бакинские комары просто умирали на подлете к ее ядреному телу. Вся их квартира было плотно завешена коврами, хаотично заставлена дорогой мебелью, сервизами из богемского стекла, уродливыми вазами, импортными цветными телевизорами (один даже стоял на тумбочке в туалете). Во всем этом была какая-то режущая глаз чрезмерность, аляповатость и вопиющее безвкусие.

Вот с этой сладкой парочкой и договорился Бархударов о продаже билета, а поскольку честность не входила в число достоинств ни Андрея, ни его дражайшей супруги, в качестве посредника (за разумный процент) был привлечен местный авторитет дядя Алик, кстати, очень достойный, даже я бы сказал, не лишенный благородства человек. Он и должен был своим авторитетом гарантировать честный обмен билета на энную сумму денег.

Пока шли долгие переговоры, Бархударову нужно было надежно заныкать билет, чтобы до него не добрался ни жуликоватый Андрей, ни какой-нибудь другой охотник за легкой наживой. Что в те годы, когда наличие сейфа в доме или ячейки в банке воспринималось как некая фантастика из заморской жизни, было, ох, как не просто. Особенно для человека, живущего в коммуналке, в комнате с хлипкой дверью и замком, который легко открывался перочинным ножом. Спрятать среди книжных страниц или под матрасом столь важную вещь было крайне ненадежным вариантом и наш герой вскоре нашел, как ему показалось, единственно правильное решение, спрятав билет наверху печи-голландки и придавив его камушком, чтобы невзначай не улетел.

Надо сказать, что в те времена о центральном отоплении в старых домах еще дореволюционной постройки и слухом не слыхали. Некогда просторные купеческие квартиры были вскоре после революции разделены на скромные комнатки-соты, по одной, максимум две на семью, и весь этот коммунальный улей отапливался высокими, под потолок, железными печами-голландками, которые переделали в 40-50-е годы под отопление газом, а не дровами или углем, как было раньше.

На две смежные комнаты полагалась одна печка, причем топочное отделение было только с одной стороны и если становилось зябко – надо было идти к соседям и просить их затопить печь.

На этой почве изредка возникали конфликты: «Что это тебе вдруг стало холодно, когда я тут из штанов от жары выпрыгиваю» или на тему справедливого де-

лежа платы за газ, но в целом люди тогда жили дружно и подобные эксцессы были наперечет.

Печка была вмурована в стену и вверху имела малюсенькую, огороженную железной полосой площадку, где и был пристроен выигрышный билет. Напомню, что на улице была середина сентября, температура за окном чуть ниже 20-ти градусов и никому и в голову не могло прийти затопить печь. Так что, казалось, что билет в полной и абсолютной безопасности.

Пока не произошло одно непредсказуемое и трагическое для нашего героя событие.

Через стенку от него одиноко доживал свой век когда-то известный в Баку врач-педиатр, совершенно безвредный старик, который на склоне лет не то, чтобы сошел с ума, а приобрел несколько странные привычки. Он приваживал и подкармливал крошками голубей с улицы, которые беспрепятственно залетали через окно в его комнату, естественно, гадили, где ни попадая, в том числе на огромные стопки газет, разложенные по всему дому. Ничего из газет и журналов старик не выбрасывал, а напротив, заботливо подшивал их суровой ниткой в стопки по годам и изданиям и расставлял на стульях, кресле, полу. Там можно было увидеть пожелтевшие от времени передовицы «Правды» или «Бакинского рабочего» со статьями и портретами давно ушедших в мир иной вождей, и жизненного пространства в комнате оставалось совсем немного: только чтобы улечься на потрепанный кожаный диван, причем поджав под себя ноги, или поесть на самом краешке заставленного бумажным хламом круглого стола.

Соседа подкармливала какая-то дальняя родня, навещавшая его еженедельно и решившая, когда он слег с воспалением легких в больницу, разгрести эти авгиевы конюшни. Первое, что надо было сделать на этом тернистом пути – это избавиться от завалов газет и журналов. А поскольку стаскивать тяжеленные бумажные кипы во двор со 2-го этажа и складывать их там в ожидании мусоровоза сочли задачей непосильной, было принято радикальное решение: сжечь весь этот мусор в печи, а затем выгрести золу и вынести ее в мешках. Сказано – сделано. В будний день они собрались, постучали в дверь к соседу – Бархударову, чтобы предупредить его и извиниться за причиняемые неудобства. Не достучались, поскольку он ушел на работу, и слегка затопили печь. Но бумаг было так много, что вскоре печка раскалилась докрасна и к приходу «генералиссимуса» домой в его комнате было жарко, как в полдень на экваторе, и стоял терпкий запах жженной бумаги.

Первое, что сделал наш герой – это бросился к печке и, обжигаясь об нее, достал заветный билет, который оказался не то, чтобы обуглившимся, а так, слегка подпаленным в том месте, где его прижали камушком. И там, где на части А (части Б и В оставляли в пункте приема ставок (ППС) должен был быть номер тиража и стоять чернильная печать ППС, красовалось немалое коричневое пятно.

Говорят, что в этот день вся дворовая публика была удивлена яростью, мощью и изощренностью мата, которым Бархударов покрывал оторопевших соседей, призывая проклятия на их пустые головы и угрожая адскими, просто немыслимыми муками на том и этом свете.

Кое-как, напоив лошадиной дозой валерьянки, его успокоили и уложили в кровать. Естественно, Андрей покупать подпорченный билет отказался и даже сделал «предьяву» на сумму 500 руб., как компенсацию за причиненный его сверхчувствительной и тонкой натуре моральный вред.

Бедный Бархударов ездил за правдой в Москву, в главное управление спортивных лотерей, пытаясь получить выигрыш и доказывая, что происшедшее с билетом нелепая случайность. Но вернулся оттуда несолоно хлебавши, так как его отослали к правилам лотереи, где черным по белому было написано, что часть А билета надо хранить аккуратно, не пачкая, не сгибая, а уж тем более не подпаливая ее.

После этих событий «генералиссимус» сильно сдал, исхудавший и понурый, он шел на работу, и некогда бравые и густые усы его как-то безжизненно обвисали. Сходство со Сталиным вскоре безвозвратно исчезло. На тусовки в сквер он больше не ходил и даже потерял всякий интерес к спортивной жизни Союза, который и сам в скором времени сдулся.

Как тут не вспомнить мудрую поговорку: «Погонишься за шилом – топор поте-ряешь».

Лячарка¹

Жил в нашем дворе сапожник Володя – тихий, задумчивый парень, работяга.

Днем он трудился в обувном цеху, а вечером за сущие копейки чинил обувь всей улице и ухаживал за больной деменцией матерью.

Был он холост, невысок ростом, небрежно одет, всегда небрит и постоянно носил на голове непонятный головной убор – то ли кепку, то ли каскетку, грязно-бордового цвета, за что и получил от уличных остряков прозвище: «Чаплашка»². И когда кто-нибудь спрашивал: «Это какой Володя?» и ему отвечали: «А Чаплашка, да!» – все прекрасно понимали, о ком речь.

После смерти матери Володя, которому было уже далеко за 30, заскучал и, съездив на родину родителей, в Нагорный Карабах, привез себе оттуда молодую жену.

Строго говоря, молодая была не очень молода: лет этак под тридцать, плоскогрудая, ледащая и как-то не по-женски волосатая.

Ее тонкую верхнюю губу украшала отчетливая щеточка усов, а плотная копна волос переходила в бачки, не пушкинские, конечно, но вполне себе густые. Звали ее Седа. Первое время она дичилась соседей и большого шумного города, в который внезапно попала, но взятая под заботливое крыло соседкой – тетей Варей, уроженкой соседнего с ней села, чрезвычайно крикливой и вздорной женщиной – быстро освоилась, подмяла под себя мужа и вскоре предъявила права на звание первой дворовой стервы, которое давно и вполне заслуженно удерживала за собой та самая Варя. Естественно, дружбе настал конец, и между двумя бывшими подругами разгорелась нешуточная вражда.

У Володи вдруг обнаружился большой талант к детопроизводству, и за девять последующих лет семейство Арутюнян увеличилось на семь человек: 4-х мальчиков и 3-х девочек. Всем им Седа дала имена, начинающиеся на букву А: Артур, Ашот, Арам, Армен, Ануш, Аревик и Араксия. Когда соседи говорили ей, что вообще-то в алфавите есть и другие буквы и почему бы не назвать сына Кареном или, скажем, столь популярным у бакинских армян именем Гамлет (количество тезок небезвестного принца датского в Баку просто зашкаливало!) – она гордо отвечала, что дала детям имена, начинающиеся на А, чтобы они во всем были первыми. И действительно, едва оторвавшись от соски и горшка, младшие Арутюняны становились первыми в проказах, хулиганстве и мелком воровстве. В списках детской комнаты милиции они тоже шли одними из первых.

Впрочем, это относилась только к мальчишкам, девочки были тихими, трудолюбивыми и незаметными – в отца.

Предание гласит, что принимая к нам в школу очередного, четвертого по счету Арутюняна, наша невозмутимая, как скала, директорша ВАЛЬПЕТРА (Валентина Петровна Курдюмова) в сердцах воскликнула: «За что мне такое наказание?! Когда они уже закончатся!».

¹Лячарка (лячар) – визгливая, вздорная женщина (бакинизм).

² Чаплашка – нелепый головной убор (бакинизм).

Дело в том, что отучившись относительно тихо в начальных классах, очередной Арутюнян в дальнейшем превращался в непроходимую головную боль для своих учителей и одноклассников: дрался, обижал девчонок, приносил в класс голубей, лягушек, тараканов, мышей и прочих представителей городской фауны, затыкал спичками замочные скважины школьных кабинетов и таскал мелочь из карманов своих одноклассников.

Поэтому когда к классу шестому-седьмому, он почти исчезал из школы, появляясь там периодически, все облегченно переводили дух, стараясь не замечать его отсутствия.

Забросив учебу, вслед за старшими братьями он начинал заниматься полукриминальными делами, шестерил на более взрослых поделщиков, что-то пряча, подавая, продавая, воруя.

Государство тогда не было равнодушно к судьбам детей, поэтому в квартиру Арутюнянов зачастили представители милиции, социальных служб, медицины, учителя, школьные общественники.

Но все их усилия оказывались тщетны – Седа была уверена в непогрешимости, красоте, одаренности, благовоспитанности и даже гениальности своих отпрысков и гневно отвергала все предложения о помощи.

Римский философ Луций Сенека как-то сказал: «Если женщина думает о чем-то в одиночестве, то она почти наверняка думает о зловредном». По отношению к большинству женщин эта мысль несправедлива, но в отношении дам, подобных Седе, она безжалостно точна.

Распихав утром детей в садик, школу или ясли, она увлеченно и страстно предавалась любимому занятию: заботливо собирала, классифицировала, расцветчивала яркими, невероятными, подчас кровавыми и сплошь выдуманскими подробностями все дворовые, городские и общесоюзные сплетни и выплескивала их на голову случайно подвернувшегося слушателя. Часто героиней этих побасенок была ненавидимая ею тетя Варя, и как только до той доходили слухи, что Седа в очередной раз поливает ее дерьмом из брандспойта, наступала феерическая, жесточайшая словесная сшибка двух фурий. Происходило это примерно так: тетя Варя выходила во двор и во все горло кричала: «Седа, дур-ра такая, где ты?!!!» На веранде третьего этажа появлялась Седа и далее следовал непрерывный и гневный поток взаимных обвинений во всех смертных грехах: зависти, жадности, воровстве, умственном убожестве, сексуальной распущенности и даже содомии. Если прислушиваться к этому словоизвержению, закономерно возникал вопрос: как это мы, их соседи, годами живя рядом с такими монстрами, по которым, как оказывается, плачет электрический стул, все еще остаемся живыми, неувечными, необворованными и даже не коварно соблазненными. Иначе как чудом и заступничеством небес это было не объяснить!

Заканчивалась эта перепалка спустя где-то полчаса горькими рыданиями обеих участниц.

Когда наступил конец восьмидесятых годов, и армяне стали уезжать из города, выяснилось, что у Володи есть троюродный брат в Бирмингеме, вполне себе преуспевающий бизнесмен, который оформил приглашение и визы всей их семье. Бедный Володя ходил задумчивый и грустный, переживая, что буйное поведение жены опозорит его перед иностранцами. «Представляешь, – говорил он, – моя Седа и в Англии!». Как будто сразу по приезду на родину Шекспира и Ньютона он собирался баллотироваться в палату лордов, чему могла помешать небезупречная репутация его жены.

Мы, как могли, его утешали: «Володя, она же будет ругаться по-русски, в крайнем случае, по-армянски. Англичане ничего не поймут!»

Так они и уехали. И, откровенно говоря, я сильно сочувствую Соединенному Королевству.

Гладиатор

Современный Баку стремится ввысь, молодеет, прихорашивается, радуя глаз широтой своих проспектов, чистотой и ухоженностью парков, украшенных фонтанами и множеством оригинальных бронзовых фигур, чудесным превращением некогда депрессивного и замызганного Черного города в цветущий Белый Город, футуристической архитектурой таких знаковых для города зданий, как башни Flame Towers с LEDэкранами, превращающиеся вечером в пылающие факелы, Музей Ковра, центр Г.Алиева, Cristall Palace. Во всем этом чувствуется размах и некий четкий и не лишенный вкуса план градостроительства.

Но все-таки душа города живет в старых дворах, опоясанных балконами, с полущимся на шальном бакинском ветру бельем, обвивающим ветхие стены домов виноградом, большим столом с лавочками в центре, непрременной аркой над входом и нежащимися на солнце томными бакинскими котами.

И такой Баку милее моему старому сердцу, чем стеклянно-глянцево-гламурный. Наверное, потому, что все мое детство прошло в таком дворе: шумном, пыльном, пропахшем кухонными запахами, но бесконечно живом и родном. По сути дела, эти дворы были большой коммунальной квартирой, где все и обо всех знали, дружили, ссорились, создавали какие-то враждебные коалиции, бурно мирились, часто ходили в гости друг к другу и в стычках с пришлой публикой неизменно выступали единым фронтом. На трех этажах нашего дома жили тридцать три семьи: стирали, готовили, воспитывали детей, устраивали непрменные совместные посиделки вечерами, сражались в нарды или в домино, смотрели фильмы или футбольные матчи по вынесенному во двор телевизору. Двор был центром нашей ойкумены, одновременно и клубом по интересам, и местом свиданий, и столовой, и прачечной, и игровой площадкой. Во двор постоянно заходили какие-то коробейники, воплями предлагающие или расхваливающие свой товар. То и дело двор оглашался криками: «Морожн! Морожн!» или «Лужу! Паяю! Тазы, кастрюли, починяю!» или «Ножи, ножницы точу!». Цивилизация сама шла к нам гости, приняв облик прокопченного бакинским солнцем мороженщика, продавца петушков на палочке или остро пахнущего потом точильщика, несущего на плече свой нехитрый, но тяжелый станок с ножным приводом.

Я бы не назвал наш двор цветущим и зеленым, вся дворовая флора была представлена диким виноградом, ласково обвивающим крошащиеся стены из известняка, чахлым, кривым и старым абрикосовым деревом, за которым заботливо ухаживала наша визгливая соседка Седа, и высоченным, раскидистым деревом до сей поры неизвестной мне породы, которое мы все называли «обезьяним хлебом». Его плоды, похожие на зеленые шипастые бильярдные шары, созревая, падали на землю и со смачным чмоканием разлетались на мелкие кусочки и горе тому, кому они падали на голову: во-первых, это было ощутимо больно, а во-вторых, отмыть волосы от их прилипчивого сока было трудновыполнимой задачей. Взрослые неоднократно порывались его спилить, но тут же наталкивались на ожесточенное сопротивление всей дворовой детворы. Дело в том, что эти увесистые зеленые шарики были незаменимы в качестве имитации ручных гранат, когда пацаны, разделившись на наших и немцев и построив из деревянных ящиков баррикады, устраивали во дворе историческую реконструкцию Сталинградской битвы. Наши неизменно побеждали за явным преимуществом, поскольку немцами никто из уважающих себя пацанов быть не хотел, и фашистами временно назначались самые дохлые и унылые из дворовых пацанов или *сикуры*¹. Что касается абрикосов, то дерево, растущее прямо из асфальта, находилось на закате своей долгой жизни и приносило в год максимум 30-40 плодов, которым мы не давали созреть, съедая их на стадии зеленой завязи и потом долго маясь живо-

¹ сикюра – слабый голубь, в переносном значении: слабак.

тами. Что непременно провоцировало нашу дворовую склочницу Седу на произнесение гневной филиппики в наш адрес, где она в пугающих красках расписывала наши ужасные бандитские замашки и полную лишений жизнь в тюрьме, куда мы непременно попадем, если не перестанем хулиганить. А заканчивался этот спич колоритным описанием неземного вкуса абрикосового варенья, которое она непременно бы наварила из этих плодов, не сорви мы их зелеными, и того, каким прекрасным было бы совместное чаепитие всего двора под это варенье. На наше справедливое замечание «Как из 30 ягод можно наварить столько варенья», она шипела: «Заткнись, авара!»

Что касается дворовой фауны, то она была представлена кошачьей династией, родоначальником и непререкаемым лидером которой был всеобщий любимец – кот Яшар, голубями, которых держал в голубятне на крыше гушпас (голубятник) Ариф, брехливой лохматой болонкой Тортиком и торопливо шмыгающими по двору крысами. На них мы, вооружившись кирпичами, периодически устраивали облавы в компании с неустрашимым Яшаром и его менее отважной, но многочисленной кошачьей родней. И когда этот лохматый флибустьер с разорванным в бесчисленных драках с окрестными котами ухом вылезал из-под веранды с огромной придушенной им крысой в зубах, то неизменно срывал аплодисменты всей детворы. А еще это был неисправимый, отпетый вор-рецидивист, который проникал на соседские кухни и ловко таскал котгем пельмени из кипящей на огне кастрюли или тырил котлеты прямо с шипящей сковороды. За что на время подвергался преследованиям и остракизму и на неделю исчезал со двора, ожидая, пока утихнут страсти.

К Тортику он относился с откровенным презрением. Усевшись на ветку или на турник, Яшар с показным безразличием поглядывал вниз на заходящегося в лае пса, философски ожидая, когда того от бессильного гнева хватит удар. Что касается голубей, то к ним Яшар был поразительно равнодушен, очевидно, не желая наживать себе свирепого и злопамятного врага в лице *гушпаса*¹ Арифа, который трясся над своими пернатыми питомцами больше, чем над родными детьми.

Но были моменты, когда великий лицедей и пройдоха Яшар ненадолго превращался из дворового хулигана в пушистое, нежное и ласково урчащее животное с такими безупречными манерами, что прямо лубок с него пиши. Это были дни, когда кто-нибудь жарил во дворе шашлык. Поскольку стащить нанизанные на шампура сочные куски мяса, скворчащие на углях, да еще и в присутствии их хозяина не представлялось возможным, Яшар строил умоильную морду и чинно усаживался, сложив лапки, возле мангала в ожидании, когда его оделят куском. Получив желаемое, он отползал в сторону и неспешно поедал его, демонстрируя светские манеры.

Но по-настоящему звездное выступление Яшара, которым он снискал всеобщее восхищение, состоялось в самый канун нового, 1982 года. Некоторые квартиры на втором и третьем этажах нашего дома имели не только внутренние, но и наружные балконы, на которых хранился всякий ненужный хлам и выносились продукты, не умещавшиеся в маленьких холодильниках или испускающие не слишком корректные ароматы. Как, например, тушки вяленой или копченой рыбы, головки тушинского сыра чоги или рокфора с плесенью, которые, строго говоря, не входят в десятку самых вонючих сыров, но воздух все-таки далеко не озонируют, испуская амбре несвежих носков.

Так вот, в самый канун новогодних праздников наша всеобщая «любимица» Седа привезла из деревни большой (килограмма под три), сочащийся жиром и испускающий головокружительный аромат кусок балыка из осетрины и подвесила его в марле на балконе. Об этом удачном приобретении было немедленно доложено в речи, обращенной ко всему двору, суть которой сводилась к тому, каким шикарным

¹ guşbaz – (азерб.) голубятник.

будет новогоднее застолье у Седы и, соответственно, убогим у ее жалких соседей-голландцев.

Привлеченный запахом балыка, Яшар отправился на крышу дома и долго сидел, свесив голову вниз и гипнотизируя взглядом вождельный кусок. Вся эта рекогносцировка, к счастью, осталась незамеченной Седой, иначе Яшару не хватило бы всех его девяти кошачьих жизней, чтобы остаться в списках живых на этом свете. На следующий день мы снова наблюдали его шествующим с гордо поднятым хвостом по крыше в сторону балкона Седы. Это была грация гладиатора, выходящего на арену римского форума, тореадора, идущего на смертельную схватку с быком.

Самого события кражи века мы не видели, но на следующее утро были разбужены истошными воплями Седы, которая, высунувшись из окна, с растрепанными волосами, материла весь белый свет. Когда поток страшных проклятий немного иссяк, выяснилось, что выйдя утром на балкон, она не обнаружила на нем предмета своей гордости – осетрового балыка. Сразу в ее воспаленном мозгу стали выстраиваться теории заговора, одна другой круче, начиная от похищения балыка голодными завистливыми соседями до налета неизвестной банды, которая, проникнув на балкон, по какой-то необъяснимой причине не стала грабить мирно спящее седино семейство, а ограничились кражей балыка с балкона. У нее даже хватило ума сходить в ближайшее к нам отделение милиции с намерением написать заявление о краже, откуда ее быстро и со смехом выставили.

А виновник этого переполоха, с отвисшим до полу животом и жутко воняющий рыбой, вскоре появился во дворе и смотрел невинным взглядом на происходящее безобразии, сосредоточенно вылизывая себя.

Естественно, никто его не выдал, и преступление осталось безнаказанным, но еще долго потом соседи, завидев Яшара, с уважением шумно приветствовали его появление: «Джан, Яшар! Молодец, слушай!»

К сожалению, кошачий век короток, и Яшар давно уже покинул наш бранный мир, надолго оставшись в нашей памяти.

Ода генсеку

Скажу вам откровенно, я хорошо отношусь к Л.И.Брежневу, по крайней мере, не считаю его дураком и маразматиком, как о нем писали скудоумные летописцы перестроечных времен. Да, были в его время и коррупция, и очковительство, и угодничество, и подарки ему дорогие дарили. А что, тем, кто царствовал после него, приближенные говорили исключительно правду-матку и дарили лишь скромные открытки с памятными адресами? Сильно сомневаюсь!

Но речь не об этом. Так получилось, что с одним из его визитов в Баку у меня связаны самые приятные юношеские воспоминания. Но все по порядку.

Приезжал он к нам в Азербайджан, если я не ошибаюсь, 3 раза: в 1970,78-м и 82 году, и все эти 3 раза наши пути пересекались.

В 70-м к его приезду на Приморском бульваре соорудили павильоны, где демонстрировали достижения Азербайджана за прошедшие 50 лет советской власти. Мы с отцом пошли прогуляться, и отца заинтересовал какой-то стенд, посвященный нефтяной промышленности. Вдруг началась нездоровая суета, забежали какие-то хлопотливые и суровые люди в штатском, попросив нас отойти подальше, и появилась вдали группа людей в сопровождении высоких милицейских чинов. По собравшейся толпе зевак прошел слух, что это идут Брежнев с Алиевым, осматривая павильоны. И действительно, спустя несколько минут к нам приблизился Генсек со свитой, очень приветливо поздоровался с собравшимися, поинтересовался делами и настроением. Естественно, все ответили, что все просто замечательно, чудно и прекрасно (*Пройдет весна, наступит лето – Спасибо партии за это!*), и группа прошла дальше. Был он

тогда бодр, элегантен, шел быстрой пружинящей походкой и произвел на меня впечатление хорошего дяди, о чем я не преминул сказать отцу.

Второй раз, в 78-м году, я со своими одноклассниками приветствовал его на собрании республиканского партактива, который проходил в недавно открытом дворце им. Ленина (ныне им. Гейдара Алиева). Когда метрах в пятистах от нашей школы закончилось строительство огромного, далеко не идеального, с точки зрения архитектуры и изящества форм, дворца, то у директора нашей школы вдвое прибавилось головной боли, забот и, как следствие, седых волос. Дело в том, что нас постоянно начали отвлекать от учебы для приветствия делегаций космонавтов, зарубежных гостей, партийных и комсомольских съездов, которые неизменно проходили в этом дворце. Мы должны были изображать нерушимую связь подрастающего поколения с партией и правительством.

За неделю до дня «X» нам раздавали текст, который каждый должен был выучить наизусть.

Обычно это была одна строфа из халтурной, но не без претензии на юмор, стихотворной хвалебной оды съезду или приехавшим гостям. Потом начинались утомительные прогоны в зале, где мы выстраивались лесенкой на ступенях и в строгой очередности произносили свою часть стихов. Причем делать это надо было громко, отчетливо, с пылким энтузиазмом, на чем особенно настаивали организаторы.

И так по три прогона за день и несколько дней подряд. Конечно, выматывались мы в эти дни вусмерть, помню, мой одноклассник Игорек как-то даже обмочился, потому что репетировали мы очень долго, а попроситься в туалет он постеснялся.

И когда в назначенный день, наглаженный, накрахмаленный, с безупречно повязанным узлом пионерского галстука, я выходил из дома, родители спрашивали: «Не забыл стишок?», и я в тысячный раз повторял стихи, которые клинописью были вбиты в мои детские мозги, что-то вроде:

«Дорогие космонавты, обещаем твердо вам,

Что всегда мы слушать будем наших бабушек и мам!»

За что получал от родичей целый рубль (ниже объясню – почему) вместо обычных 15 копеек и шел на построение в школу.

В назначенный час, взмокшие от свалившегося на нас груза ответственности, с трясущимися коленками, мы входили в заполненный людьми зал. Оттарабанив в каком-то полуобморочном состоянии положенное, мы по сигналу старших радостно смывались из зала в буфет. Это была самая приятная, я бы даже сказал вожделенная часть мероприятия.

Дело в том, что на 15 минут нам отдавали на разграбление правительственный буфет, где горой лежали разные вкусности: маленькие пирожные с кремом и без, бутерброды с красной и черной икрой, шоколадные конфеты, стояли бутылочки вкуснейшего лимонада, украшенные золотой фольгой, фанты, пепси и прочая услада для завидующих пионерских глаз и прожорливых животов. И все по каким-то смешным, нереально низким ценам. Вот для чего был нужен тот самый рубль, на который мы наедались до такой степени, что заварной крем лез уже из носа и ушей. А на столах, к ужасу обслуживающего персонала, как будто проскакала лихая конница батьки Махно: расплывались липкие лужицы лимонада, валялись фантики от конфет, недоеденные бутерброды, куски колбасы и сыра, зернышки икры. Наконец вся эта обожравшаяся и обпившаяся казацкая ватага шла в гардероб и на улицу.

В 78-м году мы были уже комсомольцами и выступали следом за младшими ребятами.

Брежнев сидел в президиуме, какой-то грузный, оплывший, о чем-то вполголоса разговаривал с рядом сидящим, по-моему, Черненко, не вслушиваясь в наше бодрое тарыхтение, и было трудно состыковать в памяти этого усталого дедушку с тем энергичным и красивым мужчиной, которого я видел 8 лет назад на бульваре.

И последний раз он приезжал к нам в Баку незадолго до своей смерти, по моему, в сентябре 1982 года.

Мы тогда уже были студентами и несколько дней гоняли балду, изображая ликующую, пляшущую и веселящуюся толпу на пути следования правительственного кортежа.

Было очень тепло, светило не по-осеннему яркое солнце, и все еще пахли недавно ушедшим летом деревья и цветы. Генсек был совсем плох, сидел в машине и как-то безжизненно и вяло махал ладонью, казалось, что это машет не он, а какая-то хитроумно приделанная к нему механическая рука.

Особенно не повезло тем, кому наши комсорги выдали большущие портреты членов Политбюро на длинных палках, вещи сугубо строгой отчетности, которые потерять или выбросить в ближайшем переулке – ни-ни. И они стояли, потные и злые, сдуваемые шальным бакинским ветром, вцепившись в древко этих сооружений.

Одной из этих бедолаг была худенькая рыжеволосая девушка с голубыми глазами (убийственное сочетание! – до сих пор приклеиваюсь взглядом к такому типу женской красоты), стоявшая рядом со мной, которую ветер раскачивал в стороны вместе со здоровенным портретом Леонида Ильича. Она тщетно пыталась удержать равновесие, и на ее хорошеньком лице со слегка вздернутым веснушчатым носиком отражалась неподдельная мука. Я предложил ей поддержать портрет, на что она охотно согласилась.

Обратно в институт мы, сдав портрет на руки комсомольскому вожаку (этот «волк» пытался припахать меня на приемке оставшегося на руках демонстрантов казенного имущества, но увидев мою перекошенную гневом физиономию и услышав в ответ шипящее «Отвянь, поц, иначе будешь ходить по улицам и оглядываться! Не видишь, что ли, я с девушкой!» – быстро сдулся), шли уже вместе, весело беседуя о какой-то чепухе и так тепло и по-домашнему уютно было от этого разговора, как будто мы знаем друг друга давным-давно.

И закружила, завертела доводящая до изнеможения любовь. Такая, какая бывает только в юности, когда испытываешь почти физическую муку, не видя рядом с собой предмета обожания.

Когда сон, учеба, еда и даже друзья кажутся досадными помехами, отвлекающими от, как кажется, главного, для чего ты был рожден, – любви. Училась она на соседнем со мной курсе, а жила в отдаленном от города приморском поселке, и, прощаясь с ней у ступеней автобуса, я каждый раз умирал от тоски и заново рождался, встречая ее следующим утром на остановке.

Естественно, встревоженная моим состоянием, мама захотела познакомиться с той, кто так околдовал меня и, как это ни странно, маме она очень понравилась. Особенно покорила она ревнивое, но доброе мамино сердце тем, что, придя впервые к нам в гости, не сидела истуканом, а сразу бросилась помогать ей сервировать стол. Через час они уже увлеченно вели какой-то веселый, избыточно многословный, чисто женский диалог, разглядывая мои голопопые младенческие фотографии в семейном альбоме.

Дело шло к свадьбе, которую решили отложить до окончания института.

Из-за чего мы расстались, до сих пор понять не могу: какая-то никчемная, глупая ссора, помноженная на юношеский максимализм и нежелание первым признать свою вину и уступить.

Но иногда, сидя в вечерних сумерках, я вспоминаю тот теплый день, блики ласкового сентябрьского солнца в ее волосах и огромный портрет бровастого генсека в тонкой руке.